

Н.Н. Скатов

«В дороге»

Умение проникать в мир других людей определяло и совершенно новое изображение характера простого человека, мужика — такого в лирике до Некрасова не было. Особенно ясно это видно на примере стихотворения «В дороге», где рассказывается о трагической истории крестьянской девушки, воспитанной в барской семье и по прихоти помещика отданной в мужицкую семью, на свою гибель и на горе мужику-крестьянину.

Мир народной жизни предстал разложимым, анализируемым, исследуемым в его сути, в его обнаженности. Оказались убранными все опосредствования, отвергнуты привычные эстетические формы приобщения к народу через народное творчество, через песню. Взгляд Некрасова уже стремится проникнуть далее того, что может дать песня.

В самом деле, песня может быть столько же средством к изучению народной жизни, сколько и средством остаться в сугубо эстетической сфере. Дело не в том, что в песне не рассказывается о тяжелой жизни. Отвергается песня, даже поющая о несчастье:

...Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку.

Но песня не состоялась. Привычной эстетической форме представления народной жизни в поэзии поэт предпочел непривычную — живой рассказ в стихах и через него дал анализ, который в песне невозможен.

Говоря об особенностях народной песни, Гегель писал:

«...Здесь опознается не отдельный индивид со своим субъективным своеобразием художественного изображения, а общенародное чувство, полностью, целиком поглощающее индивида, поскольку индивид для самого себя не обладает внутренним представлением и чувством, отмежеванным от нации, его быта и интересов».

В стихотворении Некрасова «опознается» именно «индивид», крестьянин со своей частной судьбой, со своим индивидуальным несчастьем, которое не укладывается в песню об общей беде рекрутского набора и разлуки; хотя здесь, конечно, выражены и общие судьбы народа (ужас рабства), но они выражены в частном варианте, в его личной судьбе.

Свидетельство одного из мемуаристов подтверждает, что Некрасов вполне сознавал суть сделанного им художественного открытия:

«Да, — заговорил он, — я увеличил материал, обрабатывавшийся поэзией, личностями крестьян... Лермонтов, кажется, вышел бы на настоящую дорогу, то есть на прямой путь, и, вероятно, с гораздо большим талантом, чем я, но умер рано... Передо мной никогда не изображенными стояли миллионы живых существ. Они просили любящего взгляда. И что ни человек, то мученик, что ни жизнь, то трагедия!»

Аполлон Григорьев удивительно точно отметил, хотя и отрицательно оценил, именно аналитический характер многих некрасовских стихов о народе:

«Бедный, истинно мучающийся поэт не может ни на минуту перестать смотреть сквозь аналитическую призму, всюду показывающую ему ворочающихся гадов: в самом простом, обычном факте повседневной жизни, способном в благоустроенной душе пробудить строй спокойный и мирный, как, например, свадьба человека из простого народа с женщиной из простого же народа, он способен видеть только грех в прошедшем и горе впереди...»

Правда, стихотворение «В дороге» Григорьев принял и указал на выдающееся его значение в литературе:

«...оно совместило, сжало в одну поэтическую форму целую эпоху прошедшего. И это, конечно, достоинство немалое. Но оно, это небольшое стихотворение, как всякое могучее произведение, забрасывало сети и в будущее».

И в самом деле, здесь можно было бы сказать, что Некрасов еще до появления первого из тургеневских рассказов в известной мере открывал будущие «Записки охотника» и предсказывал беллетристику шестидесятников с ее анализом крестьянской жизни.

Но лирика оставалась и лирикой. Это не очерк и не рассказ. Это лирическое выявление типа народного сознания. Суть стихотворения (и в этом открытие Некрасова) не просто и не только в обличении угнетения и барского произвола, но и в восприятии сложности и противоречивости народного характера как результата этого произвола. Ужас охватывает, может быть, не столько от рассказанной истории, сколько от этой непосредственности, от этой наивности:

А, слышь, бить — так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку...

Своеобразный лиризм стихотворения обусловлен и этой безыскусностью, этой цельностью взгляда на мир. Но она возможна в произведении лишь как следствие утраты, правда временной, самим поэтом цельного восприятия народной жизни, которое еще было у Лермонтова или, хотя и совершенно по-иному, у Кольцова. Само страдание в некрасовском стихотворении представлено в необычной сложности, оно почувствовано вдвойне или даже втрое: оно и от горя мужика, которого сокрушила «злодейка жена», и от горя несчастной Груши, и от общего горя народной жизни.

— Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!.. —

без этого конца, без этих двух строчек не было бы подлинно некрасовского произведения. Появилось лирическое я самого поэта, и это очень важно. Здесь уже нет кольцовской лирической замкнутости в «заколдованном кругу народности», как говорил Белинский, но здесь нет и лирической замкнутости в себе, которая определяла характер восприятия народа у Лермонтова, даже в его «Родине».

Стихотворение «В дороге» резко выделяется не только на фоне поэзии того времени, но и в некрасовском творчестве точным воспроизведением живого крестьянского говора:

Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варгане играть и читать...
(Слышь, учитель-ста врезамшись был,
Баит кучер, Иваныч Торопка...)
На какой-то патрет все глядит...

и т. д.

Аполлон Григорьев заметил, что не подделка под народную речь, а речь человека из народа послышалась в этом стихотворении. Но поэт еще не нашел нравственной и эстетической основы, которая позволяет превращать мужицкий говор в «перл создания», как говорил Гоголь. Старое отброшено, новое еще не найдено. Живая частная жизнь уже не укладывается в традиционную форму, ибо эта форма рассчитана на выражение цельного — радости, горя, любви.